

Научная статья

УДК 882

doi: 10.17223/22220836/46/13

## Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ В ИТАЛИИ: ВЛИЯНИЕ НА ИТАЛЬЯНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ В XIX И XX ВЕКАХ

Ирис Уччелло

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,  
irisuccello41@gmail.com*

**Аннотация.** В статье рассматривается влияние Ф.М. Достоевского на итальянскую литературу, в особенности XIX и XX веков. В Италии признание Достоевского как писателя связано с работами Габриеле Д'Аннунцио. Однако начиная с XIX в. творчество Достоевского воспринималось не столько как художественное, а скорее как философское. На авторитет Достоевского в Италии указывает и то, что он повлиял на ряд крупных писателей, таких как Итало Свево и Пьер Паоло Пазолини. Как и Достоевский, Свево поднимает вопрос о судьбе маленького человека – *inetto*, а Пазолини цитирует «Бесов» в последнем романе «Нефть».

**Ключевые слова:** итальянская литература, русская литература, Ф.М. Достоевский

**Для цитирования:** Уччелло И. Ф.М. Достоевский в Италии: влияние на итальянскую литературу в XIX и XX веках // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 162–168. doi: 10.17223/22220836/46/13

Original article

## F.M. DOSTOEVSKY IN ITALY: INFLUENCE ON THE ITALIAN LITERATURE OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Iris Uccello

*St Petersburg State University, St Petersburg, Russian Federation, irisuccello41@gmail.com*

**Abstract.** The article analyzes the influence of F.M. Dostoevsky on Italian literature. In particular, the reception of his oeuvre in the 19th and 20th centuries.

The first time the name of the Russian writer appears in *Biographic Dictionary of the Contemporary Writers* by Angelo De Gubernatis, an Italian indologist, interested in Russian literature. According to De Gubernatis, Dostoevsky was seen more as a moralist, a philosopher rather than a writer.

Thanks to Gabriele D'annunzio, Dostoevsky will be recognised as a great writer a few years later. Influences by the Russian author are evident in his novel *Giovanni Episcopo*, where the monologues of the main character are very similar to the monologues of the protagonist of *The meek one*.

Dostoevsky had a big influence on Luigi Pirandello and Italo Svevo, too.

In Pirandello we can find the same use of irony. For Pirandello irony is a way to analyze reality in a very complete way, to search and find in tragedy a reason to smile.

Italo Svevo was inspired by Dostoevsky for the construction of his characters, his “*inetti*”. *Inetto* is a man who is not able to live in society. Nevertheless, the condition of this man is a sort of reaction to the terrible, false world that surrounds him. Probably, Svevo was strongly influenced by the ideas of Schopenhauer and the common aspects in both authors' works are related to the effect of the German philosopher.

Dostoevsky was also one of the most important sources of inspiration for Pier Paolo Pasolini. Pasolini wrote not only critical works on Dostoevsky but was also strongly influenced by him while he was writing his last, fragmentary and incomplete novel *Petrolio*.

*Petrolio* is a huge work full of philosophical, political and social lucubrations. It is a novel in which it is possible to read ideas on the function of a writer, but especially it is a novel that wants to show how power can destroy people. The last work of Pasolini wasn't studied enough especially because it was an "inconvenient" book for the Italian elite, but also because the scenes of incest and pedophilia weren't totally approved by the critics.

In *Petrolio*, Pasolini wants to show a society in which the *Demons* have won and this is the reason why he takes interest scenes from the Dostoevskian novel *Demons* and just translates them. The Italian author wants to show that the "terrible" reality in Italy during the "Years of Lead" (*Anni di Piombo*) is not much different from the nihilist reality shown by Dostoevsky in his book.

This article shows that Dostoevsky had an incredible influence on some cornerstones of Italian literature that are still active today. Moreover, it shows that topics, personages and atmospheres expressed by the Russian writer can be translated and transformed in another language and in another culture since they are universal.

**Keywords:** Italian literature, Russian literature, F.M. Dostoevsky

**For citation:** Uccello, I. (2022) F.M. Dostoevsky in Italy: influence on the Italian literature of the 19th and 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universita. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 46. pp. 162–168. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/46/13

Рецепция творчества и идей Ф.М. Достоевского в Италии – проблема, привлекающая внимание многих исследователей<sup>1</sup>. Как пишет И.И. Бурлакова, «русско-итальянские культурные связи имеют длительную историю становления и развития» [1. С. 3]. Иногда влияние Достоевского очевидно, иногда скрыто, а нередко – лишь постулируется исследователями. В нашей работе мы проследим, как идеи Ф.М. Достоевского повлияли на выдающихся итальянских писателей XIX–XX вв.

Первым литератором, заинтересовавшимся творчеством Достоевского, был граф Анджело де Губернатис (1840–1931): литературный критик, ориенталист и профессор санскрита во Флоренции. Вероятно, его знакомство с русской литературой отчасти связано с тем, что он был женат на Софье Безобразовой, двоюродной сестре известного анархиста М.А. Бакунина.

Первый раз Де Губернатис пишет о Достоевском в своем «Биографическом словаре современных писателей» (итал.: *Dizionario biografico degli scrittori contemporanei*), а затем публикует некролог о нем. Поразительно, что Достоевского Де Губернатис оценивает как человека идеи, как моралиста, а не как писателя. «С нашим итальянским восприятием искусства, наследников древних греков, предпочтительнее было бы, несомненно, чтобы художественные средства Достоевского были более эстетичными. Но, если бы он использовал другой язык, наверное, он не был бы понят русским народом, который он хотел впечатлить своими идеями, а не своим искусством» (пер. наш. – И.У.) [2. Р. 178].

Среди итальянской интеллигенции предпочтение явно отдавалось творчеству Толстого, а не Достоевского, который действительно воспринимался

<sup>1</sup> Алоэ С. Первые этапы знакомства с Ф.М. Достоевским в Италии // Достоевский и мировая культура. 2001. № 15. С. 141–155; Бурлакова И.И. Знакомство итальянцев с творчеством Достоевского // Язык и текст. 2018. Т. 5, №4. С. 3–8; Володина И.П. Пиранделло и Достоевский // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 5. С. 75–83; Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998. P. 240; A...ff M. Nostra corrispondenza letteraria: Dasztaievsky e le sue opere // Rivista contemporanea. 1869. Agosto. P. 271–277; Cronia A. Conoscenza del mondo slavo in Italia. Bilancio storiocbibliografico di un millennio. Padova, 1958; Martini M. A scuola di esistenzialismo: Moravia allievo di Dostoevskij // Dostoevskij F.M. L'eterno marito. Torino, 2001. P. 179–182.

как философ и моралист. Идея о том, что язык Достоевского не эстетичен, превалировала в Италии вплоть до выхода в свет произведений Габриеле Д'Аннунцио (1863–1938). Как пишет итальянский критик Эудженио Де Микелис, Д'Аннунцио был обвинен в плагиате именно из-за стиля одного из своих романов, «Джованни Эпископо», во многом напоминающего стиль повести «Кроткая». Роман «написан как монолог, но не просто как монолог объясняющий, как у Мопассана или у Верга, но как лихорадочный монолог после случившейся катастрофы. Герой хочет понять, что было, переосмысливает происходящее» (пер. наш. – И.У.) [2. Р. 188]. Габриеле Д'Аннунцио – первый итальянский писатель, испытавший сильное влияние Достоевского.

Степень воздействия Достоевского на иностранную литературу остается дискуссионным вопросом, так как зачастую такое воздействие не задокументировано. Так было и в случае Итало Свево (1896–1928): писатель не скрывал, что на него влияли многие писатели, но никогда не упоминал в их числе Достоевского. Почему? Ведь такое влияние бесспорно, особенно в романе Свево «Жизнь»: персонажи Свево перекликаются с образами гн. Голядкина из романа «Двойник» или главного героя «Записок из подполья». В целом образ «маленького человека» (итал.: *inetto*) словно бы взят из романов Достоевского. Ренато Барилли, итальянский критик, не сомневается в том, что «...Свево испытал большое влияние Достоевского и его персонажей-неудачников, пребывающих в постоянной борьбе против всех и всего» (пер. наш. – И.У.) [3. Р. 118]. С другой стороны, можно предположить, что схожесть творчества Достоевского и Свево обусловлена философией Шопенгауэра, который в равной мере повлиял на обоих писателей.

«*Inetto*» – это тот человек, который осознал, что находится во власти собственный воли, и пытается от нее освободиться. Но, в отличие от Достоевского, Свево полагает, что это состояние человека – способ сопротивления ужасной окружающей реальности. Персонажу «Жизни» ничего не остается, кроме самоубийства: оно становится единственным способом освобождения от своей воли – причины неудовлетворенности человека. Шопенгауэр, как и Достоевский, презирует такое решение. В романах русского писателя самоубийство и смерть как таковая, несомненно, есть самое грустное окончание жизни человека, который не смог спасти самого себя. Также и у Шопенгауэра самоубийство не может быть рассмотрено как решение проблемы. Другой важный аспект философии Шопенгауэра – аспект сострадания, сочувствия. В «Преступлении и наказании» отказ от сострадания рассматривается как своего рода дух времени, признак нового, научного подхода к жизни, который убивает человека. У Свево, Достоевского и Шопенгауэра отказ от воли присутствует, но у них разные способы этого отказа. У Достоевского превалирует православное мировоззрение: через веру человек должен отказаться от воли (смириться), иначе он может совершить ужасные преступления, как Раскольников.

Таким образом, общие тематические и идейные характеристики могут быть следствием знакомства обоих писателей с идеями Шопенгауэра, хотя некоторые исследователи утверждают, что идеи Свево пришли напрямую от Достоевского.

Другой писатель, на которого повлиял Достоевский, был Луиджи Пиранделло (1894–1936), хотя об этом мало кто говорит. Тем не менее невозможно

не заметить использование трагического юмора Достоевского в творчестве итальянского автора. И.В. Ружицкий пишет, что «в основном юмор Достоевского – это смех сострадания и сочувствия к искаженной человечности, улыбка печальной любви к человечески свяшенному в его нелепой или причудливой форме» [4. С. 75]. Нам кажется, что этот особенный тип иронии представлен у итальянского писателя Луиджи Пиранделло, который посвятил юмору целую статью. Он называет юмор «чувством противоречия» (пер. наш – И.У.) [5. Р. 62]. Это чувство используется Пиранделло как особый способ наблюдения за жизнью, который объединяет факты реальности с тем, что скрыто за внешним проявлением вещей. Комическое необходимо, чтобы исследовать реальность с разных точек зрения и найти в нелепом и трагическом повод для улыбки.

Последний итальянский писатель, о котором пойдет речь, – Пьер Паоло Пазолини (1922–1975). Пазолини – одна из самых эклектичных фигур итальянской культуры. Он был не только писателем, а еще и режиссером, лингвистом, философом и литературным критиком. Можно проследить влияние Достоевского не только на художественную прозу Пазолини, но также рассмотреть и то, как Пазолини осмысливает творчество русского писателя, поскольку у него есть несколько литературоведческих работ о Достоевском. Например, он написал критическую работу о романе «Преступление и наказание» [6].

В этой работе Пазолини рассматривает роман с точки зрения фрейдистских теорий. Он утверждает, что Раскольников – жертва эдиповой детской страсти, его беспокоит любовь матери и сестры. Отсюда проистекает идея убить старуху-процентщицу, являющуюся «гадкой старушонкой». Более того, в его действиях распознается четко определенный план. Раскольников намеренно, а не случайно, оставляет дверь квартиры открытой, что приводит к убийству Лизаветы. В этом прослеживается две стороны любви Раскольникова: нежность и жестокость. В конце романа его мать умирает, и это вызывает настоящую перемену в главном герое: внезапно Раскольников осознает, что любит Соню, и прекращает любые формы психологических пыток, которые он применял к девушке, чтобы истязать себя.

Итальянский философ также рассматривает христианский экзистенциализм в романе. Центральная идея христианского экзистенциализма – определение моральных границ человеческих действий в мире, управляемом Богом. Раскольников исследует установленные пределы и решает, что явно аморальный поступок оправдан, если он ведет к чему-то грандиозному. Однако Достоевский выступает против этой амбициозной мысли, заставляя Раскольникова потерпеть фиаско.

Как уже отмечалось, есть и влияние на художественное наследие Пазолини, особенно на последний незаконченный роман писателя «Нефть» (итал.: *Petrolio*). Это роман о притягательности могущества для буржуазного класса, о разрушительных последствиях власти для людей, обладающих ею. Роман не был закончен: работа над ним была прервана насильственной смертью писателя, и только семнадцать лет спустя он был впервые опубликован. По всей видимости, это было вызвано тем, что *Petrolio* остро критиковал политическую ситуацию в Италии, что типично для Пазолини, а также потому, что в романе встречались сцены инцеста и педофилии. Несмотря на то, что секс у

Пазолини используется как метафора политической власти, роман не понравился критикам. До сих пор это произведение, в котором встречаются и философские, и литературные, и политические размышления, изучено недостаточно. По мнению Пазолини, Petrolio должен был стать его «современным Сатириконом» (пер. наш. – И.У.) [7. Р. 3] – всеохватывающим произведением об итальянской действительности.

Поразительно, что исследователи не уделили внимания очевидному влиянию произведений Достоевского на этот роман. Сам Пазолини в начале черновика указывает писателей и мыслителей, которые на него влияли при написании «Нефти». На первом месте в списке: «Достоевский – Бесы (и все)» (пер. наш. – И.У.) [7, II]. Влияние «Бесов» прослеживается не только в образах персонажей и темах романа Пазолини, а еще и в том, что некоторые части романа являются почти прямой цитатой из романа «Бесы». Из тем, затронутых в романе, мы проанализируем темы двойничества, конфликта отцов и детей и добра и зла.

Карло, главный герой романа, умирает в самом начале повествования, но из его тела рождается другой Карло, и оба начинают жить самостоятельной жизнью. Двойничество у Достоевского всегда показывает трагическое мироощущение персонажа. Раздвоение личности – показатель конфликта внутреннего и внешнего мира, ума и души, чувств и разума. «Важно, что двойничество, по мысли писателя, – это черта мучающихся людей, напряженно задумывающихся о смысле жизни и своем месте в ней» [8]. Пазолини пародирует эти идеи: его двойники не только не задумываются ни о чем и ни от чего не страдают, а еще и практически не различимы.

Роман затрагивает тему конфликта отцов и детей. Ясно звучит мысль о том, что за действия детей несут ответственность отцы, как и в романе «Бесы». Но, в отличие от русского романа, в итальянском произведении оправдывается борьба сына против отца и, следовательно, отцеубийство. В начале романа Пазолини пишет про Карло, что он мужчина, «...который мать любил как положено, а против отца боролся, но тоже как надо было, зная как отличить внутри себя свою вину и вину отца» (пер. наш. – И.У.) [7. Р. 6]. У Достоевского отцеубийство не может быть оправдано (даже если оно совершается просто в мыслях, как у Ивана Карамазова: герой от этих мыслей сходит с ума). Сам Пазолини пишет, что Карло «тот Ставрогин, которого Достоевский хотел сделать и не сделал» (пер. наш. – И.У.) [Ibid. Р. 300], наверное, имея в виду, что Карло в отличие от Ставрогина по-настоящему пустой: он педофил, который совершил инцест, но в нем не ощущается ни малейших угрызений совести, от которых Ставрогин погибает. Как сам Ставрогин пишет: «Я, Николай Ставрогин, отставной офицер, в 186... г. жил в Петербурге, предаваясь разврату, в котором не находил удовольствия» [9. Т. 10. С. 105]. Карло в его действиях находит удовольствие, но не чувствует голоса совести, он настоящий бес. Его мать зовут Барбара – это яркая отсылка к Варваре Петровне, а еще одного очень влиятельного персонажа в романе зовут Джулия Микели, что не может не быть аллюзией к Юлии Михайловне.

По мнению В.К. Кантора, в романе «Бесы» праздник – центральный момент, потому что именно там решаются «многие коллизии романа» [10. С. 282]. Кантор полагает, что Достоевский был глубоко обеспокоен карнавальностью русской действительности: в России все не серьезно, не так, как должно

быть, поскольку в России не было разделения театр–жизнь, как на Западе. «...карнавал, по наблюдению Достоевского, пронизывал русскую жизнь. Только в отличие от Бахтина Достоевскому карнавал не казался освобождающей силой России. Безмерная во всем Россия безмерна и в карнавальной жизни. Карнавал, на взгляд писателя, ведет к тотальному уничтожению нравственных христианских законов, элиминирует личности» [10. С. 290]. Именно в этом кроется глубинная причина того, почему сцены антифашистской вечеринки в романе «Нефть» почти целиком являются переводом сцен праздника в «Бесах». Для Пазолини карнавал – важная характеристика итальянского современного общества и точно так же разрушает личности, вот почему у итальянского писателя персонажи не имеют выраженных психологических характеристик, они психологически немые.

Достоевский в начале сцены праздника, пишет: «В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки (...) Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе» [9. Т. 10. С. 354]. Пазолини полностью приводит его слова в романе, и даже усиливает их. В итальянском романе некий писатель Ф. читает свою статью, точно так же, как в «Бесах» читал роман Кармазинов. Статья Ф. отличается от статьи Кармазинова: она является острой критикой гегелевской истории. История, по мнению писателя Ф., непрямолинейна, непоследовательна, на последовательной истории и вообще мысли основывалась западная мысль, но сейчас даже наука доказала, что время идет не только в одном направлении. Пазолини пародирует «умных», «интеллигентных» людей, которые на празднике сидят и слушают статью, доказывая, что они не могут понять ее смысл.

Почему же эти размышления об истории присутствуют именно в фрагментах, заимствованных из «Бесов»? Потому что Пазолини хочет показать, что ничего не изменилось, а наоборот, даже стало хуже, что бесы победили. Он приводит слова Достоевского полностью, чтобы показать, что история циклична и «во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть в каждом обществе» [Там же]. Итальянский писатель нарочно подчеркивает, что то, что было актуально сто лет назад, актуально и сейчас. Отсылки к Достоевскому в романе Пазолини очень много, но именно сцены праздника показывают, сколь сильно идеи русского писателя повлияли на создание этого романа.

Как мы увидели, творчество Достоевского вызвало в Италии неоднозначную реакцию: каждый писатель брал ту или иную идею, тему или образ Достоевского в соответствии со своими целями и мировоззрением. Мы не смогли проследить все влияния на итальянскую культуру и литературу, но постарались показать разнообразные и интересные случаи соприкосновения двух культур.

#### **Список источников**

1. Бурлакова И.И. Знакомство итальянцев с творчеством Достоевского // Язык и текст. 2018. Т. 5, № 4. С. 3–8.
2. De Micheli E. Dostoevskij Nella Letteratura Italiana // Lettere Italiane. 1972. Vol. 24, № 2. P. 177–201.
3. Farci C. Svevo e Dostoevskij. Temi in comune e terzo incomodo // Italianistica: Rivista Di Letteratura Italiana. 2015. Vol. 44, № 3. P. 109–126.

4. Ружицкий И.В. О языке Достоевского // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 9. С. 74–81.
5. Pirandello L. L'umorismo. Lanciano: R. Carabba, editore. 1908. 187 p.
6. Pasolini P.P. Fëdor Dostoevskij Delitto e castigo // Saggi sulla letteratura e sull'arte. Milano : Mondadori, 1999. P. 1971–1990.
7. Pasolini P.P. Petrolio. Torino : Einaudi, 1997. 591 p.
8. Загидуллина М.В. Достоевский: Эстетика и поэтика : словарь-справочник / науч. ред. Г.К. Щенников. Челябинск : Металл, 1997. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/> (дата обращения: 30.05.2021).
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г.М. Фридлендер (зам. гл. ред.), В.В. Виноградов и др. Л. : Наука, 1972–1990.
10. Кантор В.К. «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского : очерки. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 422 с.

### References

1. Burlakova, I.I. (2018) Familiarity of Italians with the works of Dostoevsky. *Yazyk i tekst – Language and Text*. 5(4). pp. 3–8. (In Russian). DOI: 10.17759/langt.2018050401
2. De Michelis, E. (1972) Dostoevskij Nella Letteratura Italiana. *Lettere Italiane*. 24(2). pp. 177–201.
3. Farci, C. (2015) Svevo e Dostoevskij. Temi in comune e terzo incomodo. *Italianistica: Rivista Di Letteratura Italiana*. 44(3). pp. 109–126.
4. Ruzhitskiy, I.V. (2013) О языке Достоевского [On the language of Dostoevsky]. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 9. pp. 74–81.
5. Pirandello, L. (1908) *L'umorismo*. Lanciano: R. Carabba.
6. Pasolini, P.P. (1999) *Saggi sulla letteratura e sull'arte*. Milano: Mondadori. pp. 1971–1990.
7. Pasolini, P.P. (1997) *Petrolio*. Torino: Einaudi.
8. Zagidullina, M.V. (1997) *Dostoevskiy: Estetika i poetika: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: A Dictionary-Reference Book]. Chelyabinsk: Metall. [Online] Available from: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/> (Accessed: 30th May 2021).
9. Dostoevsky, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. Leningrad: Nauka.
10. Kantor, V.K. (2010) “Sudit' Bozh'yu tvar'”. *Prorocheskiy pafos Dostoevskogo: ocherki* [“Judge God's Creature.” Dostoevsky's Prophetic Pathos: Essays]. Moscow: ROSSPEN.

### Сведения об авторе:

Уччелло И. – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург). E-mail: irisuccello41@gmail.com

**Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.**

### Information about the author:

Uccello I. – St Petersburg State University (St Petersburg, Russian Federation). E-mail: irisuccello41@gmail.com

**The author declares no conflicts of interests.**

Статья поступила в редакцию 01.12.2021;  
одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 15.05.2022.

The article was submitted 01.12.2021;  
approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 15.05.2022.